

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ЗАМЕЧАНИЯ О НИКОЛАЕ МИСТИКЕ В СВЯЗИ С ИЗДАНИЕМ ЕГО СОЧИНЕНИЙ *

С перерывом в восемь лет вышли два тома сочинений константинопольского патриарха Николая I Мистика. Первый том содержит письма патриарха, второй — прочие его произведения. Сочинения Николая Мистика изданы с завидной полнотой. Так, в сборник писем вошли не только те, что были опубликованы в свое время А. Маи, а затем перепечатаны в Патрологии Миня¹, но и изданные еще в XVIII в. П. Лазери², а также группа посланий, приписываемых магистру Симеону, но атрибутированных исследователями Николаю. Еще большей полнотой отличается второй том, где нашли себе место, помимо прочих сочинений, сохранившееся лишь в армянской версии письмо Католикосу Армении, так называемый «Трактат о тетрагамии», дошедший лишь в извлечениях и цитации Арефы, явно фиктивное письмо Николая мятежному Андронику Дуке, а также и некоторые из канонов, приписываемых патриарху. «Том единения» опубликован во всех своих частях, хотя многие из них — позднейшие вставки и добавления. Вопрос об авторстве подробно разбирается во вступительной статье ко второму тому. Как в первом, так и во втором томе кратко, но весьма содержательно излагается рукописная традиция сочинений. Для издания, как и подобает в такого рода публикациях, использованы все доступные авторам рукописи. Введение, излагающее основные этапы жизни Николая, приложенные в конце обоих томов лаконичные резюме сочинений, а также краткие рассуждения об их датировке и адресатах, детальные индексы весьма облегчают пользование изданием.

Таким образом, впервые в распоряжении исследователей оказалось хорошо изданное собрание всех сочинений знаменитого патриарха, и это дает весьма редкую для византинистов возможность не только привлечь для целей своей работы то или иное произведение патриарха, но изучить их в целом и даже попытаться воссоздать образ автора.

Основная часть наследия патриарха — его письма. Византийская эпистография давно изучается как исторический источник (ее недостатки в этом отношении хорошо известны), как риторический жанр (набор клише византийских писем детально расписан и систематизирован), однако весьма редко византийские письма рассматривались как человеческий документ. Допускалась, конечно, с многочисленными оговорками мысль, что в византийской эпистоле проявляются те или иные авторские черты, однако частное, индивидуальное, по общему признанию, тонет в обилии общих мест и, как категорически выразился современный ученый, «по письменным источникам мы можем судить скорее не об объеме чувств и мыслей, а о степени образованности отдельных представителей византийского, как правило, привилегированного общества». Знакомство с корреспонденцией патриарха Николая в сочетании с другими его сочинениями,

* *Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters/Greek Text and English Transl. by R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. — Dumbarton Oaks Texts. Washington, 1973, II; Nicholas I Patriarch of Constantinople. Miscellaneous Writings/Greek Text and English Transl. by L. G. Westerink. Dumbarton Oaks Texts. Washington, 1981, IV.*

¹ *Mai A. Spicilegium Romanum. Roma, 1841, X, 2, p. 161—440; PG, t. III, col. 27—392.*

² *Lazeri P. Miscellaneorum ex manuscriptis libris bibliothecae Collegii Romani Societatis Jesu. Roma, 1757, v. II, p. 549—553.*

тоже подвергшимися значительному влиянию риторики, на первый взгляд подтверждает этот малоутешительный вывод. Почти весь набор хорошо известных клише представлен в его переписке. Письма пестрят уверениями в дружбе — *φιλία, ἀγάπη*. Воспоминания о старой дружбе и общении вливают в душу сладость (174.3)³. Дары вдвойне сладостны, если они исходят от друга (168.2). Дружба может возникнуть даже на расстоянии, «заочно», по одной только молве о добродетели человека (45.1 и след.). Еще большее место занимает мотив «духовного единения». Духовная беседа (*πνευματικὴ συνομιλία*) проливает в душу еще большую сладость и ведет к еще большему единению, нежели беседа «телесная» (т. е. личные контакты) (см. 63.1 и след.; 118.1 и след.; 148.1 и след.). Сладостная беседа в письмах ведет к духовному единению (172.2 и след.) и т. д.⁴

В какой-то степени клишированы не только мотивы писем, но и их композиция. В большинстве случаев послание Николая начинается с утверждения некоей общей мысли, за которой следует реальное сообщение, просьба, рекомендация и т. п.⁵ Не говорит ли это об особенностях сознания византийцев, для которых частность и деталь всегда представлялась подчиненными чему-то общезначимому и непреходящему?

Невелика и историческая информативность писем и других сочинений (за некоторыми исключениями, вроде письма № 32 — лучшего нашего источника по истории спора о тетрагамии). Иногда осторожный патриарх опасался передавать сообщения в письмах, поскольку они могли быть, видимо, перехвачены и использованы против него (133.50 и след.). В других случаях информацию устно передавал надежный письмоносец (71.1 и след.). Отдельные письма вообще носят чисто этикетный характер, в иных — о деле вообще не говорится ни слова, зато содержатся обширные рассуждения и наставления «по поводу». Лишь некоторые послания содержат ценные бытовые детали, восполняющие наши представления о «ежедневной» жизни византийцев. Так, некий Павел, принявший постриг, не прекратил отношений с женой (Николай спрашивает, насколько верен дошедший до него слух. — 140). Какая-то вдова основала после смерти мужа монастырь вблизи его могилы и живет там, вероятно, в качестве игуменьи, но подвергается преследованиям местного епископа (Николай просит патрского митрополита восстановить справедливость. — 43). Таких посланий, однако, очень немного. Сказанное вовсе не означает, что письма Николая казались бессодержательными их адресатам. Наличие или даже отсутствие этикетных формул свидетельствовало об отношении к ним патриарха, глухие для нас намеки тысячелетие назад звучали вполне отчетливо. Не случайно в этом отношении, что даже современным издателям удается датировать отдельные письма по содержащимся в них намекам с месячной точностью.

На первый взгляд столь же маловыразительна и стилизована личность самого автора. Говоря современным языком, в письмах Николая Мистика очень велика «избыточная информация» и до минимума сведен момент неожиданности. Реакции эпистолографа как бы заранее запрограммированы, и большей частью можно с уверенностью предполагать, что он напишет в той или иной возникающей ситуации, как откликнется на то или иное событие или сообщение. Поведение и эмоциональные реакции Николая предопределены нормами христианской морали: он всегда предложит уповать на бога, будет проповедовать долготерпение и милосердие и рекомендовать предпочесть награду в будущей жизни преходящим радостям посюстороннего бытия. Не менее стандартной является и форма выражения Николаем своих чувств. Как и все византийцы, он легко впадает в экстаз, рыдает, лишается дара речи (47.4 и след.; 48.4 и др.). Точно

³ Первая цифра в наших отсылках означает номер произведения, вторая — строку. } В обоих томах принята единая нумерация сочинений.

⁴ Об эпистолярной топике см.: *Karlsson G. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Uppsala, 1962.*

⁵ Наблюдение впервые сделано Дарузесом: *Darrouzés J. Epistoliers byzantins du Xe siècle. P., 1960, p. 35.*

такую же «стандартную» реакцию мы встречаем и в единственной дошедшей до нас гомилии на падение Фессалоники, произнесенной патриархом с амвона св. Софии в августе 904 г. (192). Захват города арабами объясняется божьей карой за множество прегрешений византийцев. Зависящая от жанра клишированность этого сочинения ярко проявляется при сравнении его с посвященным этому же событию произведением Иоанна Камениаты.

И тем не менее было бы, во всяком случае, поспешно даже сравнивать клишированные формулы (в широком смысле) византийских писем с мало что значащими, но обязательными фразами современной официальной корреспонденции. Византийские «стандарты» — не только удобные заимствования из античных письмовников и расхожей морали, но и выражение стиля жизни и мироощущения византийцев. Это те модели, по которым не только пишут, но и стараются жить византийцы.

Более или менее внимательное чтение писем Николая Мистика убеждает в том, что личностное начало выражено в них достаточно определенно. Письма Николая преследуют разные цели. Николай постоянно кого-то рекомендует и за кого-то просит: освободить от службы в войске (169), содействовать в делах сардскому митрополиту (180), освободить от солдатского постоя вдову его брата (170), не облагать новыми налогами поставщиков капусты столичного храма (152) и т. д. Большинство писем этой серии построено по одному принципу. Эпистолограф выражает уверенность, что для добрых дел адресат не нуждается в напоминаниях со стороны (τῆς ἐξωθεν παραίνεσως), но затем все-таки формулирует свою просьбу. Подчас патриарх гневно одергивает адресата. Так, Лев Силейский не оправдал надежд Николая: монахи, клирики и миряне жалуются на него непрерывно, Николай строго наказывает прекратить безобразия (117). Протасикрит Константин сместил назначенного патриархом архиепископа Неаполя: «Смотри, что делаешь... вечному суду обрекаю сотворившему сие», — не скрывает своего крайнего раздражения патриарх (146.9 и след.). Некий молодой не названный по имени правитель проявляет жестокость. «Не пренебрегай нами и не воображай, будто если ты юн, то по юности своей можешь воспарить в небо, — склюет тебя там птица», — заканчивает послание разозлившийся патриарх (165.25). Обращает на себя внимание старческое раздражение юношеской строптивостью (ср. 106, 166), а также нестандартный образ птицы, клюющей воспарившего в небо наглеца.

Подчас Николай выступает в роли утешителя. Наиболее впечатляющее из этого рода посланий — письмо Роману Лаканию по поводу смерти его жены (156). Конечно, и здесь хорошо известные утешения: бог справедлив и ведает, что творит. Но каким изящным доказательством подкрепляет Николай хорошо известный тезис: если кому-то суждено остаться одному и в одиночестве нести горестное бремя, то уж пусть лучше это будет сильный мужчина, нежели слабая женщина (159.6 и след.).

Эти и многие другие «типы» писем без труда можно свести к перечисленным уже в античных письмовниках разрядам, однако подобное «сведение» мало чему может помочь, ведь приведенные Деметрием Фалерским и его последователями «типы» писем (в одном случае их число доходит до сорока одного!) практически охватывают все возможные эпистолярные случаи!

Письма Николая Мистика представляют их автора в различных жизненных ситуациях. Чаще всего патриарх тесним несчастьями и чуть ли не находится на краю пропасти (пристрастие византийских эпистолографов к тому, чтобы любоваться своими горестями, хорошо известно). Николай живет в аду и чувствует себя даже хуже, чем его обитатели, ведь среди последних нет ни ссор, ни зависти, ни заговоров (133.29 и след.). «Я жив и не жив (ζῶεν οὐ ζῶντες), не радуют меня солнечные лучи, и лучше мне было бы быть среди мертвецов» (138.8 и след.). Здоровье патриарха оставляет желать лучшего, мотив приближающейся смерти постоянно мелькает в письмах (57, 104, 109, 110).

Лишь изредка в письмах предстает перед нами благополучный патриарх, как правило, очень осторожно сообщающий о своем «благополу-

чий»: «Ныне же, если в жизни можно говорить о чем-то лучшем, я пока нахожусь в лучшем состоянии» (154.5). Порой Николай Мистик считает возможным и пошутить, хотя его шутки вряд ли способны рассмешить современного читателя. Впрочем, они придают теплоту образу сурового патриарха и доставляют нам не частые образцы византийского юмора. Так, протоспафарий Лев, судья Пафлагонии, прислал патриарху в подарок овечий сыр. «Как можешь ты, судья, призванный карать за воровство, обворовывать овец?» — вопрошает Николай (127.7). Человеку, приславшему ему в большом количестве плоды из своего имения, Николай пишет: «Не знаю уж, то ли это начатки, то ли большая часть, то ли весь урожай в целом» (168.10 и след.).

Разные типы писем и другие документы, вышедшие из-под пера патриарха, разные ситуации, в которых они пишутся, позволяют представить себе в общих чертах и самого автора. Попробуем выделить черты его «характера» и посмотрим, насколько складываются они в цельный образ. Прежде всего, патриарха отличает необыкновенное упорство в преследовании цели (сам Николай хвалит эту черту характера — *εὐσταθὺς τρόπος* — 136.1). Знаменателен в этом отношении, пожалуй, самый обширный цикл всей переписки — послание болгарскому царю Симеону. Отвлекаясь от конкретной политической подоплеку этих писем, можно утверждать, что лейтмотивом их служит идея мира. О мире просит Николай Симеона, за его нарушение грозит божьей карой, прелести мира расписывает, ужасами войны пугает. Николай увещевает, упрекает, униженно молит, наконец, Симеона. Этот цикл (разумеется, в переводе) вполне мог бы быть издан в популярном издании как один из интереснейших образцов «литературы в борьбе за мир» прошлых веков. Не менее упорен Николай и в других вопросах: борьбе с евфимианами, стремлении к единению церкви и т. д.

Упорство Николая в преследовании целей сочетается, однако, с гибкостью и приспособлением к ситуации, переходящими в своеобразный средневековый оппортунизм, возводимый им в принцип жизни и поведения. Со злом нужно бороться только в том случае, если это возможно, увещевает Николай аланского архиепископа (133.61), — в противном случае надо стараться не допустить лишь его распространения. В письме, видимо, к тому же адресату Николай уточняет свою позицию: надо действовать мягко и постепенно, проявлять максимум терпения, особенно если речь идет о представителях высшего класса (52.83).

Адресат другого письма (125), видимо, пожаловался Николаю на какие-то неурядицы. Что же делать, как не сносить все кротко и по возможности с умом применяться к обстоятельствам (*τοῖς πράγμασιν συναρμόζουσαι*)! Ничего нельзя поправить сразу (*ἐξ ἑτοίμου*). Так повелось с давних пор и существует поныне. Таковы не только советы Николая, но и линия его собственного поведения. «Император против нас, — сообщает он Александру Никейскому, — что же нам остается делать в этих обстоятельствах, как не настроиться на философский лад и примириться с обстоятельствами, если, конечно, мы не предаем божью церковь» (71.10 и след.)⁶. Впрочем, и это последнее условие отнюдь не всегда строго соблюдается Николаем: в трех письмах блюститель церкви и веры настаивает на налогах, которые церкви обязаны выплачивать государству. И наконец истинной декларацией оппортунизма звучат слова из послания 113: «Хороший кормчий с умом старается избежать волн, готовых поглотить его, и не станет направлять судно на те, что могут его потопить. Врач, заботящийся о спасении больного, если нельзя того излечить полностью, старается облегчить болезнь ...» (113.1 и след.).

Приведенные рассуждения весьма интересны. Византийская история дает нам примеры различных этических позиций ее деятелей: от негибкой жесткости и непримиримости до гибкости и терпимости (логическим продолжением которой подчас оказываются полная беспринципность и

⁶ См. № 58, 92, 94. Два последних письма издатели датируют вслед за Грюмелем 920 г., не учитывая возражений против такого отнесения и попытки по-другому датировать эти письма в кн.: Две византийские хроники X века. М., 1959, с. 79 и след.

приспособленчество). Открытым выражением этой контroversии является в XI в. конфликт между Пселлом и Михаилом Кируларием. Последний (тоже патриарх) в этом случае занимает противоположную Николаю позицию⁷. Обращаясь к более близкой эпохе, напомним, что «терпимостью», несомненно, отличался и учитель Николая, глубоко почитаемый им патриарх Фотий⁸, напротив, Игнатий и Евфимий, по-видимому, были ригористами.

Можно предполагать, что «оппортунизм» чаще всего оказывается не изолированным качеством, а родовой чертой византийской интеллигенции, деталью мировоззренческого и этического комплекса, признаки которого обнаруживаются и у Николая. В их числе снисходительность к человеческим слабостям, которые заслуживают прощения (*οἷα πολλὰ τὰ ἀνθρώπινα* — весьма частая оговорка Николая, извинение «человеческого в человеке», см., например, 62.15), прощение, во всяком случае внешнее, обид (см. 83.7 и др.). Впрочем, проблема не столь проста, как это кажется с первого взгляда. В реальном своем поведении Николай отнюдь не всегда проявлял ту гибкость, которую проповедовал в письмах. Свидетельства тому — некоторые документы, вышедшие из-под пера патриарха, в которых отражаются перипетии и накал политической борьбы и интриг того времени. В известном документе (197), зачитанном по его приказу в мае 912 г. на синоде, собравшемся в катихумениях св. Софии⁹, Николай обрушивает всю мощь своей риторики на поверженных уже противников — четырех митрополитов, при этом дважды говорит о «справедливой ненависти» (*δικαίον μίσος*), которую навлекают на себя эти священнослужители.

Та же нетерпимость проявляется и в «Трактате о тетрагамии», сохранившемся в цитации Арефы: «А тем, кто утверждает, что не следует быть строгим к раз оступившемуся, скажем: из-за одного греха пришла в мир смерть, и не дал пощады создатель из-за падения одного, но предал смерти» (199, XXVII). Сострадание (*συμπάθεια*), по Николаю, имеет значение не само по себе, а лишь в зависимости от его цели. Приемлемо лишь сострадание «ради бога» (*διὰ θεόν*), в ином случае оно достойно осуждения (*κατάκριτος*) (199, XXV). Таким образом, гуманному христианскому чувству как бы придается внеположенная ему цель — бог, воля которого, конечно, определяется его земными заместителями. При такой «конкретизации» гуманизм очень легко превращается в свою противоположность. Точно таким же образом подвергается ограничению и «согласие» (*συμφωνία*), которое хорошо, лишь когда служит благой цели (48, XX). Столь ригористическая позиция Николая ведет непосредственно к практическим выводам. Как известно, патриарх без снисхождения осуждал «человеческую слабость» императора Льва. В связи с этим в том же «Трактате о тетрагамии» Николай с явной иронией по отношению к «человеколюбцам» заявляет: «Многие женатые мужчины не любят собственных жен и пылают страстью к другим женщинам, что же мешает «человеколюбивым этим законодателям» сочетать браком этих «пылающих» одновременно с несколькими женщинами?» (199, XXIV).

Нетрудно видеть, что в документах, отражающих позицию Николая в политических интригах своего времени, патриарх предстает в несколько ином виде, нежели в корреспонденции. Вряд ли объяснения надо искать в лицемерии или притворстве Николая. В жизненных перипетиях человеку, а тем паче государственному или церковному деятелю не так легко бывает сохранить даже вполне сознательно и искренне избранную им позицию. Вновь обратившись к Михаилу Пселлу, напомним, что этот один из самых просвещенных, терпимых и гибких византийцев в борьбе с Михаилом Кируларием не стеснялся приводить доводы, достойные заправского мракобеса.

⁷ См.: Любарский Я. Михаил Пселл: Личность и творчество. М., 1978, с. 78 и след.

⁸ Lemerle P. Le premier humanisme byzantine. P., 1971, p. 204.

⁹ Vita Euthymii/Ed. P. Karlin-Hayter. Brussels, 1970, p. 115.25 sq.

По-видимому к «комплексу интеллектуала» относится также признание человеческой активности, наряду с божественным провидением, причиной движения событий. Весьма четко эта концепция выражена в цитированном «Трактате о тетрагамии»: «Границы человеческой жизни не определяются необходимостью (ἀνάγκη), то есть судьбой, как у эллинов (ὡς ἡ τῶν Ἑλλήνων εἰμαρμένη), но зависят и от создателя, и от свободной воли каждого из нас (τὴν ἐκάστου ἡμῶν προαίρεσιν), как это случилось с самого начала с первозданными...» (199, XXII). В принципе это утверждение вполне согласуется с христианской доктриной в ее восточном варианте, однако такое сопоставление «на равных» божественной воли и свободного человеческого выбора встречается не часто. Выраженная концепция — не только умозрительная теория Николая, но и этическая позиция. Весьма знаменательные рассуждения по этому поводу содержатся в письме, где Николай возражает тем, кто утверждает, будто отсутствие согласия в церкви оказалось причиной неурядиц в государстве. Отрицая наличие такой связи и явно настаивая на «естественном» ходе вещей, Николай пишет: «В каждом деле прежде всего устанавливают цель, а уже затем ждут божьей помощи, никто из небрежно посеявших не соберет хорошего урожая, никто, не заложив хорошего основания, не построит добротного дома, и никто, не прилагая усилий и не бодрствуя, не сможет плыть в безопасности по морю» (75.46). Итак, божья помощь не отрицает, а, напротив, предполагает человеческую активность. Эта мысль, как, впрочем, и примеры, ее иллюстрирующие, живо напоминают рассуждения того же Михаила Пселла. Упрекая Константина Мономаха, целиком полагающегося на божественный промысел и потому пренебрегающего охраной собственной персоны, писатель XI в. пишет: «Никто из них (Пселл говорит об архитекторах, кормчих и воинах, о первых двух пишет и Николай! — Я. Л.), делая свое дело, не отказывается от упований на бога, но первый возводит строения согласно правилам, другой кормилом направляет судно, а из людей военных каждый носит щит, вооружен мечом, на голову надевает шлем, а остальное тело покрывает панцирем»¹⁰.

Возможность воздействия человека на ход дел не исключает, но, напротив, предполагает идею определенного «самодвижения» событий, исход которых часто оказывается противоположным человеческим намерениям. У Николая нет еще понятия судьбы — τύχη, в свое время заклеянной византийцами, но уже вновь восторжествовавшей у Льва Математика и Льва Диакона, однако именно Николаю принадлежат слова, что разумный человек не может не знать, что время имеет большую силу (μεγάλην ῥοπὴν) и осуществляет человеческие расчеты вопреки воле рассчитывающего, а порой и к его досаде (40.13). Время выступает здесь в виде имманентной силы, распоряжающейся течением событий. Весьма любопытно в этом отношении появление в одном из писем Николая образа «колеса фортуны», понятия весьма редкого у византийцев, но чрезвычайно распространенного на Западе¹¹.

Разумеется, речь идет не о секуляризации мышления и этической позиции, а о той разновидности христианских представлений, которую с известной натяжкой, используя современный термин, можно охарактеризовать как либеральную тенденцию в византийской идеологии. Тем не менее «либерализм» Николая простирается достаточно широко, охватывая не только личностные отношения, но и сферу государства, международных отношений, религии и т. д. Прекрасный образец в этом отношении — письмо Николая арабскому халифу в связи с жестоким обращением арабов с христианскими пленниками (102). Конечно, послание имеет характер дипломатической реляции и, как всегда в подобных случаях, предполагает тенденциозный отбор фактов и аргументов, тем не менее его общее направление весьма знаменательно. Вот основные доводы письма.

¹⁰ Psellos M. Chronographie/Ed. E. Renauld, II, p. 34.27 sq.

¹¹ «Как мы видим, мирское колесо (κοσμικὸν τροχόν) не прекращает своего движения, но еще движется и всегда будет двигаться, возносясь вверх и вниз, пока существуют на земле человек и дела человеческие» (189.1 и след.).

Правители обязаны не только положением своим, но и умом, справедливостью и нравственными достоинствами (φρονήσεαι καὶ δικαιοσύνη καὶ τῇ ἄλλῃ καλοκαγαθίᾳ) возвышаться над подданными (102.9 и след.). Племя византийцев всегда отличалось человеколюбием и добротой (τὸ τῆς φιλανθρωπίας καὶ ἐπιεικείας — 102.32), милостивое обращение с пленными — первая обязанность победителя (102.60 и след.). Византийцы не требуют от плененных арабов отказаться от их веры и предполагают такой же образ действия и с их стороны (102.131 и след.). Кстати, милосердия к пленным неоднократно требует Николай и от болгарского царя Симеона. Хотя (повторим еще раз) дипломатический документ не может обойтись без тенденциозных передержек, мысль Николая Мистика предполагает существование неких надрелигиозных моральных принципов, следование которым равно обязательно для византийского императора и для арабского халифа. Религиозную терпимость Николая хорошо характеризуют и строчки из письма Николая тому же царю Симеону, где он упоминает своего учителя патриарха Фотия, который «любил твоего отца, хотя между ними стояло различие веры» (τὸ τοῦ σεβάσματος διατείσματα — 2.21).

Для характеристики позиции Николая трудно подобрать лучшее определение, нежели христианский гуманизм, хотя последний и подвергался критике в византиноведческой литературе.

Отметим, что до нас дошли характеристики Николая, принадлежащие его современникам, вовсе не совпадающие с его самоизображением. Во враждебной патриарху Vita Euthymii Николай изображен злобным, коварным, бессмысленно жестоким, прямо называется «убийцей и грабителем». «Линия» Vita Euthymii возобладала и в новой историографии. Пожалуй, один лишь Н. Попов отмечает «чистоту нравов», «строгость к самому себе», сочетающиеся со снисходительностью к другим и справедливостью даже в отношении к врагам¹². Уже Ш. Диль называет Николая «жестоким, страстным, злопамятным, способным страшно ненавидеть, никогда не забывавшим обид» и т. п.¹³ «Его интеллект был высок, а душа напротив низка», — повторяет характеристику Ш. Диль другой французский ученый — Ж. Гей¹⁴. В этом же русле находятся и оценки одного из авторов обсуждаемого издания — Р. Дженкинса¹⁵.

Не станем спорить о душевных свойствах патриарха. Их оценка всегда по необходимости окажется субъективной. Для исторического исследования важны не столько эмоциональные определения, сколько выделение «ядра личности» — комплекса его этических и нравственных представлений, его идей, убеждений и принципов. Верно, конечно, что «в этом переменивом калейдоскопическом мире одни и те же принципы означают разные вещи для разных людей в разное время»¹⁶, однако само появление тех или иных «принципов» — явление не случайное, а глубоко закономерное. Облик патриарха Николая, предстающий из его сочинений, — не более как самоизображение, его разбитый на сотни частей автопортрет, изображенный к тому же весьма тенденциозно. Тем не менее то, каким хотел себя изобразить Николай, глубоко знаменательно, это и есть выражение его «принципов». Весьма интересно было бы под этим углом зрения сопоставить эпистолографические собрания Фотия, Николая, Арефы и других, еще интересней было бы (если бы только позволил материал!) сопоставить личности «конфликтующих сторон» Фотия и Игнатия, Николая и Евфимия.

И еще на одну сторону сочинения Николая хотелось бы обратить внимание. Многие из посланий — прекрасные образцы риторики. К счастью,

¹² Попов Н. Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 1892, с. 93 и след.

¹³ Диль Ш. Византийские портреты. Харьков, 1909, с. 139 и след.

¹⁴ Gay J. Le patriarche Nicolas le Mystique et son rôle politique. — In: Mélanges Charles Diehl. P., 1930, v. 1, p. 94.

¹⁵ Jenkins R. Byzantium. The Imperial Centuries 610—1071. L., 1966, p. 212 f. Впрочем, Р. Дженкинс неоднократно совершенно справедливо подчеркивает отсутствие у Николая какого бы то ни было фанатизма.

¹⁶ Ibid., p. 225—226.

в последнее время начался постепенный пересмотр точки зрения, согласно которой риторика была лишь «пустозвонством» и «средством водить за нос доверчивых читателей»¹⁷. Для Николая, как, впрочем, и многих других эпистолографов, риторика — средство воздействия на адресата; форма (при бедности содержания) значила, видимо, не меньше, нежели непосредственное сообщение. Особенно удаются Николаю короткие письма с их четкой двучастной композицией и благородным лаконизмом. Кстати, переводчики, как правило, стремятся передать особенности формы (что при «содержательности формы» византийских писем и документов не менее важно, чем изложение содержания), однако не всегда выдерживают этот принцип до конца. Так, некоторые весьма энергичные, построенные по принципу языковой экономии фразы Николая передаются английскими предложениями, содержащими в два, а то и три раза больше слов, чем в греческом оригинале. Причины понятны: помимо аналитического строя современного английского языка, это — стремление «дополнительными» словами передать все оттенки оригинала, однако обилие слов лишает фразу благородного лаконизма, свойственного греческому тексту. Не всегда также передается сопоставление однокоренных слов, столь характерное для византийской риторики.

К сожалению, в обсуждаемом издании очень скуп реальный комментарий¹⁸, отсутствует также сколько-нибудь подробная характеристика творчества Николая. Однако первое критическое, тщательно подготовленное и мастерски выполненное издание сочинений знаменитого патриарха — весьма существенный импульс к дальнейшему исследованию его жизни, деятельности, творчества.

¹⁷ *Hunger H. Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz.* — Österreichische Akademie der Wissenschaft, phil.-hist. Kl., Sitzungsber., 1972, Bd. 227, S. 7.

¹⁸ Атрибуция некоторых писем, опубликованных в т. 1, вызвала уже сомнения рецензентов — см., например: Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1976, 1 (72), с. 276 и след.